

В степи

под Курсавкой

Из повести «ЯКОВ БАЛАХОНОВ»

Ночные заморозки позолотили еще густую листву терновника, обожгли, пригнули к земле поздние травы. Тут и там среди рыжего степного разлива ярко-зелеными коврами раскинулись всходы озимых.

Балахонов и Чучулин ехали молча, будто зачарованные красотой осенней степи. Следом стайкой двигались ординарцы. Кони звонко цокали копытами по подмерзшей дороге.

Словно подытоживая свои думы, Балахонов проговорил с грустью:

— Хороша наша степь, а приходится уродовать ее,— показал он кивком головы на извилины окопов, протянувшихся рублеными ранами по жнивью и зеленым.

Чучулин даже не удивился этим неожиданным словам, сказал ему в тон:

— Приходится... И, по всему видно, еще не скоро покончим с кадетами, чтобы хозяином степи стал пахарь, а не солдат...

Они заговорили о положении на фронте.

Ставрополь и большая часть губернии вот уже свыше трех месяцев заняты деникинцами.

Под Невинномысской шли непрерывные бои, и станица

переходила из рук в руки.

Здесь, на Курсавском и Кисловодско-Суворовском боевых участках, конница Покровского и Шкуро с помощью так называемого белоказачьего ополчения пытается перехватить железную дорогу, соединиться с терской контрреволюцией.

Улучшилась обстановка в районе Армавира.

С приходом туда Таманской армии силы советских войск значительно возросли. В конце сентября таманцы заняли Армавир, и можно бы перейти от обороны к наступлению по всему фронту, но авантюризм главкома Сорокина парализовал войска. Чувствуя, что авторитет его пал, Сорокин перешел на путь репрессий, открыто противопоставил себя партийным и советским органам.

Сказывался и отрыв северокавказских войск от соседних советских армий, от ближайших центров снабжения, таких, как Царицын, Астрахань. Снаряды и патроны приходилось добывать в бою, продовольствие реквизировать у крестьян, выдавая им расписки вместо денег. Наступила осень, а красноармейцы ходили в летнем обмундировании, латаном-перелатанном.

Во многих частях процветала партизанщина, мародерство.

—Сил у нас до дьявола, люди рвутся в бой, а порядка мало,— говорил невесело Балахонов.— Нынче один приказ, назавтра другой, совсем противоположный. Сорокин окружил себя всякой сволочью, а настоящих, боевых командиров третирует, даже истребляет. Вон Матвеева, командующего Таманской армией, расстрелял, Кочергина, командующего Белореченским боевым участком, сместил, хотел тоже расстрелять. Знаешь, Григорий, иной раз просто руки отваливаются. Если бы не стыд перед теми, кого мы защищаем и кого ведем в бой, то и не знаю, что бы сделал...

—Иначе говоря, сознание ответственности перед народом и Советской властью,—уточнил Чучулин..

—Да. Не за Сорокина же кровь проливаем, трудности всякие переносим,— продолжал Балахонов. Лицо его вдруг просветлело, он заговорил потеплевшим голосом:— Встретил я в Невинке, перед выступлением сюда, одного парня. Ты его должен знать. Харитоном Дроздовым зовут. Был он летом в Казьминском отряде Куцемелова, участвовал в походе на Отрадную, когда Шкуро и другие сволочи мятеж в предгорьях подняли. Ночью налетели казаки на этот отряд, на сонных, почти половину вырезали. Дроздов получил тогда две пулевых и семь сабельных ран. Подобрала его одна старушка, двое суток ухаживала за ним, прятала, пока мы выручили. Так вот, подходит ко мне в Невинке этот Дроздов, представляется. Смотрю на него и не узнаю. Шея вся

в розовых рубцах, почти не поворачивается, на щеке свежий след пули.

Только и признал по фамилии. Спрашиваю: неужели выжил? А он смеется: «Как видишь, товарищ командир, выжил. И хочу еще почитать с теми, кто нашего брата норовит в землю загнать». Да тебе, говорю, лечиться еще надо! А он отвечает: «Не до леченья теперь, когда кадетня на Советскую власть замахнулась, революцию задуть хочет». Ну, я расцеловал его при народе, как героя. Вот, брат, какие у нас люди! Такие воюют, не думая о карьере, не то что Сорокин и некоторые другие,..

С большим интересом слушал Чучулин рассказ Балахонова, словно хотел запомнить.

—Да-а...— вздохнул он.— И главное, такие люди не шумят, не выпячивают себя. Одну смерть пережил Дроздов, другой не пугается. Это и есть трудовой народ! А вот еще случай,— оживился комиссар.— О нем рассказали мне ребята уже тут, в Курсавке. Голева знаешь? Кажется, Георгий. Из болгар. До революции был огородником под Невинкой. Арендовал у какого-то казака клочок земли в пойме Кубани, выращивал всякую морковку-петрушку, тем и жил. А как пришла революция, он сразу же пошел с большевиками, хоть и теперь еще беспартийный. Человек он грамотный, начитанный, беднота и послала его на отдельский съезд. Там избрали его членом отдельского исполкома, комиссаром финансов...

—Ну, тогда знаю Голева,— кивнул Балахонов.— Невысокого

роста, чернявый?

—Верно. Работал Голев хорошо, на совесть, всю душу вкладывал в порученное дело. А когда Шкуро напал на Баталпашинскую, он вместе с Прониковым и другими находился в цепи. Жена его — больная, сердечница — подхватила двух своих малолетних детей и ушла с беженцами на Курсавку. В дороге ей стало плохо. Попросилась в ка ком-то хуторе на квартиру, да там и умерла. Вскорости подошел к тому хутору отряд Проникова. Через жителей Голев узнал о смерти своей жены. Пока хоронил ее, нагрянули шкуровцы. Отряд стал отходить с боем. Что делать? Надо и ему уходить, ведь комиссар отдельский, налоги собирал, реквизиции у богатеев проводил, все его знают! И детей не на кого бросить. Поклонился он хозяевам хаты, старику и старушке, попросил их оставить детей у себя, пока вернется за ними. Старики вначале испугались. Им же не поздоровится, если казаки узнают, что укрыли детей комиссара. Потом сжалились. «Бог с тобой, уходи, а детишки пусть останутся,— сказала старушка.— Сохраним, если живы будем». Теперь Голев бойцом в эскадроне Вишневого, только и думает о наступлении. А тот хутор занят казаками...

Балахонов прикусил губу. Вспомнилась ему Баталпашинская, и сердце болезненно сжалось. Он, как и все в колонне, уже знал, что там творят шкуровцы, знал о массовых казнях, порках, об аресте отца и матери. Где теперь Наташа и Коля, что с ними? Может, и в живых-то их

нет? Беяки умеют расправляться и втихомолку.

— Думаю ударить на Пашинку,— глухо проговорил Балахонов. —Хочу просить командование, чтобы разрешило наступление. Как по-твоему?

Чучулин ответил не сразу.

—Тянуть время, конечно, нельзя,— медленно заговорил он.— Иначе Шкуро и Покровский еще больше укрепятся в наших местах. Шутка сказать, за какие-нибудь несколько дней Шкуро сумел развернуть свою бригаду в дивизию! Только наступать надо наверняка. Готовы мы сейчас к наступлению?

—Плоховато с боеприпасами. А настроение у солдат решительное, только дай команду. Если из Пятигорска помогут,— расколотим в два счета.

—Вообще-то я не против, только надо бы осмотреться...— неопределенно сказал Чучулин.

—Нынче же позвоню Сорокину,— шевельнул плетью Балахонов и пустил коня рысью.

В селе Куршава их окружили красноармейцы. Завязался разговор. Бойцы хотя и жаловались на трудности, особенно с патронами, но требовали активных действий. Это еще больше укрепило решимость Балахонова.

•••

На обратном пути Балахонову и Чучулину повстречались две крестьянские подводы. В первой бричке сидел, свесив ноги с передка и ссутулясь, угрюмый старик. За его спиной горбились прикрытые полстью мешки. На второй бричке, которой управляла молодая

женщина, из-под ряден
проглядывали арбузы, какие-то
корзины.

Балахонов свернул на обочину
дороги, пропуская подводы, спросил
весело:

— Далеко едете, граждане?

Старик натянул вожжи,
остановил лошадей. Задняя подвода
наехала на переднюю, ее лошади
уткнулись мордами в мешки.

— До дому идимо, —
покосился на всадников старик.

— А вы, извиняюсь, кто
будете? — слышался неуверенный
голос женщины. — Вы красные?

— А разве не видно? —
улыбнулся ей Балахонов и назвал
себя.

— Ой, так вас нам и треба! —
обрадовалась женщина и начала
тяжело сползать с брички. Она была
беременна. — Мы из Крым-гиреевки,
мэни зовут Ириной Дудкиной, —
бойко затараторила женщина. —
Мий муж Евдоким Дудкин воюе у
вас, вин теперь в Куршаве. А це наш
диду... — кивнула она в сторону
старика.

Дед оказался веселым. Он
приподнял с мешков полсть,
похлопал коричневой ладонью по
одному из них:

— Тут и мучка, и крупка.
Красным солдатам. Хуторяне
понадавали хто сколько може. А у
тий можаре кавуны та яблоки. Хай
солдаты покуштуют. И квасок е,
наши бабы гарно варют... —
подмигнул он Балахонову, щеря
беззубый рот.

— Спасибо, дорогие товарищи,
— сказал Балахонов. — И всем
хуторянам вашим спасибо от
Красной Армии. Семин, проводи их

до Куршавы, чтоб не обидел кто. А
вам, Ирина Дудкина, — улыбнулся
Балахонов женщине, — поостеречься
надо. В вашем положении ездить
нельзя, путь не близкий...

Женщина в смущении
зарделась.

— Ничого, товарищ
командир, обийдется...

В приподнятом настроении
возвращались Балахонов и Чучулин в
Курсавку. Встреча с крестьянами
порадовала, словно сквозь тучи вдруг
проглянуло солнышко и обласкало
своим теплом.

А в Курсавке их поджидала
неприятность.

Как сообщил Захарченко, на
склады продовольствия и
боеприпасов напала шайка ма-
родеров. По тревоге часовых
начальник интендантства Тендит с
группой бойцов кинулся туда. В
перестрелке его ранили пулей в
живот. Сейчас врач Кравченко и
сестры милосердия оказывают ему
первую помощь.

Балахонов и Чучулин
поспешили в колонный госпиталь.
Там находились Нецветайлов и
Чайка, тихо переговариваясь. Над
Тенди-том, лежавшим на носилках,
склонился в белом халате Кравченко.
Дуся подавала ему тампоны, бинты.

— Как он? — шепотом
спросил Балахонов у Дуси.

Девушка вздрогнула, робко
взглянула на него снизу вверх,
ответила шепотом:

— Без сознания...
Кравченко выпрямился.

— Рана тяжелая, —
проговорил он, вытирая марлей руки.
— Но будем надеяться...

Командиры перешли в

помещение штаба.

— Что с налетчиками? — спросил Балахонов Нецветайлова.

— Все захвачены.

— Кто они?

— Больше из местных, всякая шпана: сынки торговцев, кулаков...

— Судить строжайшим образом!

— Ясно.

Той же ночью Илья Лапин передал в штаб армии шифровку. Балахонов просил командование разрешить войскам колонны наступление на Баталпашинскую, поддержать их с фланга, от Пятигорска.

Ответ пришел быстро, что удивило Бала-хонова, знавшего порядки в штабе Сорокина.

Главком давал согласие, обещал поддержку, но предупреждал: действовать по диспозиции, которая будет прислана дополнительно.

•••

Приказ о наступлении красноармейцы встретили с радостью.

В полночь бригада Кочубея выступила из Суркулей на Подгорное, Георгиевский и Рощинский. Под Беломечетской всадники с ходу вырубали казачьи заставы, переправились через Кубань и попали в изрезанную балками степь левобережья.

У Смертной балки, что протянулась от Кубани до Большого Зеленчука, сотни Кочубея схватились в рубке с конницей Покровского и Султан Шахим Гирея, брошенной на встречу.

Пехотные полки Балахонова двинулись на Казинку, Алексеевское,

Воровсколескую.

Под Казинкой эскадрон Максима Писаренко, шедший впереди пехоты, нарвался на заставу белых. Из темноты вдруг долетел гортанный голос:

— Стой! Что пропуск? Ворота?

Максим по голосу понял, что застава состоит из горцев, а «ворота» и есть установленный на эту ночь пропуск. Он спокойно, стараясь не вызвать подозрения, ответил:

— Ворота! Ворота!

— Проходи! Заставу сняли без выстрела. Красноармейцы хлынули в село.

Левее, под Воровсколеской, белые оказали сопротивление, но продержались недолго. Преследуя их, красноармейцы заняли станицу, перешли через маловодные степные речки Казинку и Невинку, а во второй половине дня подступили к хуторам Котляровскому и Сычеву — в пятнадцати-двадцати верстах от Баталпашинской.

Здесь они натолкнулись на стойкую оборону белых. Завязался бой.

Штаб колонны расположился в бывшей экономии помещика Абраменко, неподалеку от горы Сычевой. Согласно диспозиции, сюда должны были подойти от Пятигорска обещанные Сорокиным войска.

Время шло, а степь со стороны Суворовской оставалась безлюдной. Балахонов нервничал, опасаясь за свой неприкрытый левый фланг.

К вечеру бой утих, а рано утром от Бекешевской во фланг красным ударила конница Шкуро. Почти одновременно конные лавы и

цепи белоказачьей пехоты-пластунов показались на плато со стороны Баталпашинской.

Артиллеристы Дронова встретили атакующих редким огнем — снарядов было в обрез. Всадники перешли на галоп. Тогда заговорили пулеметы и винтовки красноармейцев. Конница отступила, пластунские цепи залегли.

Примерно через час атака повторилась.

На этот раз несколькими сотням шкуровцев удалось прорваться в расположение полка Павлюка, к горе Сычевой. Здесь закипела рукопашная. Бок о бок с бойцами дрались Балахонов, Чучулин, Проников, Нецветайлов, ординарцы, штабные.

Прорвавшиеся сотни были почти целиком истреблены.

Немало полегло и красных воинов.

Пали под ударами шашек неразлучные друзья, любимцы бойцов снайперы Игнат Макаренко и Тимофей Нестеренко.

Какой-то казачий офицер перед тем, как самому свалиться с коня, успел сразить пулей из револьвера начальника разведки колонны Павла Нецветайлова.

И вторая атака оказалась отбитой, но за ней последовали новые. На отдельных участках красноармейцы начали отходить.

Балахонову и Чучулину стало ясно, что бой проигран. Они отдали приказ об отступлении.

Когда отходили на Воровсколесскую, беда настигла отца и братьев Бутенковых.

За их тачанкой устремились несколько десятков шкуровцев, а

последняя пулеметная лента была расстреляна еще у хутора Котляровского.

Отец привстал на сиденье, гикнул на коней. Кони понеслись птицами. Сыновья открыли стрельбу из винтовок по всадникам.

И тут случилось непоправимое. Тачанка наскочила колесом на камень, опрокинулась.

Павел Бутенков грохнулся на землю, потерял сознание. Яков и Алексей, оглушенные падением, даже не успели вскочить на ноги, как на них налетели шкуровцы. Блеснули шашки...

До последнего патрона в пулеметной ленте сдерживал белоказачков на кургане под Воровсколесской Федор Зубков. Когда его товарищи по роте были уже далеко, он поник головой возле замолчавшего пулемета.

А на левобережье Кубани, у Смертной балки, шла яростная сеча между красной и белой конницей. Двухполковая бригада Кочубея приняла удар почти всей дивизии Покровского, крупного отряда горцев.

Плотный строй конных лав давно распался. Всадники рубились небольшими группами, чаще вдвоем-втроем. Хлопки выстрелов, крики, лязг стали, ржание коней повисли над степью.

И вдруг сквозь шум битвы послышался тревожный голос:

— Выручай Кочубея!

Первым оглянулся на крик Вишневецкий, чья сотня рубилась неподалеку. Он увидел, как толпа белоказачков окружила комбрига, прижала его к обрывистому склону балки. Вспыхивала изогнутая, будто молодой месяц, сабля Кочубея,

валились из седел зарубленные, а толпа нарастала, ревела в неистовстве.

— За мной, выручай Кочубея! — взмахнул клинком Вишневский. — Рубай гадов!

Десятка два бойцов бросились на толпу с тыла. Вскоре подоспел Кандыбин с группой всадников. Те из белых, кто уцелел, кинулись наутек.

Словно по команде, наступила тишина.

Кочубей закружил над головой побуревшей саблей, скликая товарищей. А в полуверсте собирались в лаву белоказаки.

На горизонте со стороны Эрсакона замаячила чья-то конница. Кочубей схватился за бинокль. То были белые.

— Шо скажешь, политичный комиссар? — быстро взглянул Кочубей на Кандыбина еще полными ярости глазами. — Будэмо класты тут усюю бригаду, чи видходить?

— Надо отступать, — решительно заявил Кандыбин. — Потерять бригаду и дурак сумеет...

— Це правда, — мотнул головой Кочубей. Привстав на стременах, он крикнул звонким голосом, слышным далеко вокруг: — Хлопцы, наши идут! То Кочергин вэдэ свою дивизию! Ур-ра-а!

Красноармейцы приняли его слова за правду. Нарастающим шквалом загремело радостное, торжествующее «ура».

Белые всполошились. Многие всадники погнали коней в сторону аула Дудоруковского. За ними хлынули толпы других. Некоторые офицеры попытались остановить

панику, но выло поздно.

А Кочубей хохотал, запрокинув голову.

Кто-то свистнул вслед белоказакам, кто-то заулюлюкал.

— А теперь слухай мою команду! — крикнул Кочубей. — Видходь за Кубань, на Билу Мечетку! Усих ранетых пидобрать, а вбитые наши товарищи хай не забижаются на нас. Похоронють их добри люди...

Навсегда остался у Смертной балки и болгарский сын Георгий Голев, так и не успевший вернуться в хутор к своим детям.

Белые приняли отступление красных за их полное поражение, попытались выйти к железной дороге, но дальше Казинки, Воронсколесской и Суворовской не продвинулись. Измотанные тяжелым боем, потерявшие немало своих товарищей, красноармейцы отбили все атаки.

Линия фронта на этом участке осталась прежней.

Неудача взбесила Балахонова. Первое, что он решил сделать, вернувшись в Курсавку, — это высказать Сорокину свое возмущение.

— Воскобойников, бери бумагу, пиши, — приказал он адъютанту.

Сообщая, что пятигорские войска, указанные в диспозиции, не подошли, вследствие чего кавалерия Шкуро смогла зайти во фланг и в тыл войскам колонны, Балахонов называл действия штаба армии предательскими.

— Так и пиши, — нагнулся он

над Воско-бойниковым, заметив, что тот остановил ру-ру с карандашом. — Именно предательство, не иначе!

— Ну, это ты слишком, Яков Филиппыч, — поморщился Чучулин. — Мы же не знаем, как там получилось, и сразу предательство...

Балахонов уставился на комиссара побелевшими глазами.

— Да ты что, Григорий? — наконец выговорил он, сдерживая гнев. — Как же слишком? Факт остается фактом, не подошли. А кто должен был обеспечить их подход? Конечно, штаб Сорокина. Мы ведь рассчитывали на них, а что получилось? Каких ребят потеряли, дорогих товарищей!.. — крутнул он головой, застонал.

— Есть хорошая пословица, Яков Филиппыч: на боженьку надейся, а сам не плошай, — усмехнулся Чучулин. — Видно, мы не рассчитали свои силы и силы противника. Вот и нарвались. А Сорокину что? Хотите наступать — давайте, вот вам приказ, диспозиция. Выгорит — ему слава и честь, не выгорит — мы отвечаем за невыполнение приказа. Обвинить же Сорокина и его штаб в прямом предательстве, не зная, как все получилось, значит, подлить масла в огонь. А товарищей, конечно, жаль...

Балахонов нервно заходил по комнате.

— Чудно ты рассуждаешь, комиссар, — остановился он возле стола, доставая папироску из портсигара. — Неужели ты думаешь, что я хочу спрятаться за чью-то спину, свалить свою вину на кого-то? Если виноват в чем, — готов принять любое наказание за свою глупость, но и другим не дам спуска. Что же

получается? Сорокин и его дружки плюют на нашего брата, подставляют под удар, а мы должны молчать? Нет, я не согласен! Не хочешь подписывать такую телеграмму, — я один подпишу...

— Зря, Яков Филиппыч. Ты же знаешь, прятаться в кустах не умею, готов делить с тобой любую ответственность, как и опасность. Но подписывать такое рука не поднимается. Зачем давать лишний козырь стервецам? Да и ругань твоя делу не поможет. С ними надо драться не в одиночку и не телеграммами...

Это было первое серьезное расхождение между командиром и комиссаром.

— Что ж, Григорий, дело твое, — вздохнул Балахонов, подписывая поданный Воскобойниковым листок. — Себе не прощаю, и другим не прощу. Хоть душу отведу! А что скажет начальник штаба? — взглянул он хмуро на Захарченко.

Тот решительно потянулся рукой к листку:

— Давайте, я тоже подпишу. Я с вами согласен, командир.

Как показали потом события, Балахонов был прав, говоря о предательстве, хотя и не знал, что пятигорские войска даже не получили приказа о выступлении на Баталпашин-скую.

По-своему прав был и Чучулин, призывая к осторожности: этой телеграммой Балахонов и Захарченко подписали себе приговор.

Из Невинномысской в Курсавку приехали комиссар фронта Пузырев и инструктор политотдела

армии Колышкин.

Балахонов принял старых друзей радостно, устроил для них обед в своем кабинете.

— Ну, что там нового, в Невинке, в Пятигорске? Как идут дела? — засыпал он их вопросами.

Пузырев был озабочен, временами хмурился.

— Как там Леженин? — делая вид, что не замечает его настроения, продолжал расспрашивать Балахонов.

— Привет тебе передавал, — отрываясь от своих дум, сказал Пузырев. — Часто вспоминает, как воевали под Ставрополем, на Недреманной. А дела... Дела у нас неважные. Деникин жмет, мы отбиваемся...

— Волынка с главкомом, — тихо проговорил Колышкин. — Зарвался окончательно. Ни с кем не считается, на всех орет. Даже на председателя ЦИКа Рубина и на председателя крайкома партии Крайнего...

— Ни черта не понимаю, — потрянул головой Балахонов. — Неужели некому взнудать его, поставить на место?

— Взнудаем, — прищурил раскосые глаза Пузырев. — А ты, брат, все такой же горячий! — поглядел он с усмешкой на Балахонова. — Кидаешься в воду, не зная броду...

— Ты о Пашинке? — насторожился Балахонов.

— Сейчас о Пашинке. Сорокин и Гайченец этого случая не пропустят. Им только зацепиться за что...

— Получилось, конечно, не гладко, — нагнул виновато голову

Балахонов. — Только ведь и они подвели...

Балахонов рассказал, как готовилось наступление, каковы были указания Сорокина и его штаба.

— Вот диспозиция, — достал он из полевой сумки машинописную страничку, — тут все расписано: кому куда идти, что делать. Но все это оказалось липой, — потряс он листком. — Никто к нам не пришел, не поддержал. Это же предательство! Я так и написал в шифровке Сорокину.

— Ого, смело, — хмыкнул Пузырев. — Но такое обвинение надо еще доказать. А кому ты докажешь? Нет, брат, погорячился. И с наступлением, и с шифровкой своей. Теперь будь начеку.

Дверь в кабинет распахнулась. Поспешно вошли Чучулин и Лапин.

Чучулин куда-то выезжал и еще не виделся с Пузыревым и Колышкиным. Он тепло поздоровался с ними.

Лапин козырнул всем сразу, обратился к Балахонову:

— Товарищ командир, шифровка из Пятигорска...

— Давай.

Балахонов принял исписанный карандашом листок бумаги, прочитал.

— Вот... Кажись, начинается... — сказал он, заметно волнуясь, и передал телеграмму Пузыреву.

Тот прочитал ее про себя, потом вслух.

— Да, возможно...

Гайченец вызывал Балахонова и Захарченко в Пятигорск. Явка немедленная.

— Приказ есть приказ,

придется ехать, — невесело проговорил Балахонов. — Покличь Захарченко, — кивнул он Лапину.

— Я с вами, — поднялся из-за стола Колышкин. — Мне все одно в политотдел надо...

— Может, и я с тобой, Яков Филиппыч? — спросил Чучулин.

— Зачем же всем уезжать? — пожал плечами Балахонов и вдруг широко улыбнулся комиссару: — А мы с тобой, Григорий, выходит, зря поцарапались...

Чучулин словно не расслышал, сказал взволнованно:

— Если что... Если какая ерунда случится — сообщи сразу...

Пузырев отошел к окну, задумался, глядя в сторону вокзала. Потом резко повернулся, сказал хрипловато:

— Ладно, поезжай.

Слух о вызове Балахонова и Захарченко в штаб Сорокина распространился в частях колонны быстро. Командиры и бойцы восприняли его по-разному. Одни считали, что вызов связан с неудачным наступлением на Ба-талпашинскую. Другие уверяли, будто в Пятигорск поступило много боеприпасов, снаряжения, обмундирования и вызвали их для того, чтобы получить все это добро.

А Балахонов, Захарченко и Колышкин приближались к Пятигорску. В Железноводске они сделали остановку. Здесь узнали, что Сорокин обратился к войскам и гражданам с какой-то листовкой, в которой якобы говорилось об измене руководителей Северо-Кавказской республики.

Листовку раздобыли в местном гарнизоне. В ней Сорокин объявлял о раскрытии заговора против Советской власти, сообщал, что заговорщики — члены ЦИКа республики Рубин, Крайний, Рожанский и Дунаевский — расстреляны как предатели.

— Вы что-нибудь понимаете? — с удивлением поглядел Балахонов на Захарченко и Колышкина.

Начальник штаба ответил, бледнея:

— Туман. Одно ясно: едем не в добрый час. Не лучше ли повернуть назад, пока прояснится?

— Нет, — упрямо крутнул головой Балахонов, — тут уж до конца... По коням!

Улицы Пятигорска, всегда шумные, по-праздничному многолюдные, теперь словно вымерли. Безлюдие царило и возле гостиницы «Бристоль», напоминающей корабль среди рыбацких суденышек — одноэтажных и двухэтажных домов.

В цветнике напротив Народного Дома всадники спешили. Передавая повод ординарцу, Балахонов сказал Колышкину:

— Спасибо за компанию. Мы сейчас к Полуяну.

— Мне тоже к нему.

— Тогда пошли.

В подъезде гостиницы часовые преградили дорогу. Колышкин показал постоянный пропуск. Предъявили свои документы Балахонов и Захарченко.

— Проходите, — буркнул один из часовых, возвращая документы.

— Ого, постороже, чем на позициях, — усмехнулся Балахонов.

Часовые промолчали.

Колышкин заспешил вверх по лестнице, увлекая за собой товарищей. Полуян оказался в отъезде.

— Что ж, пошли тогда к Гайченцу, — махнул огорченно рукой Балахонов.

В двухкомнатном номере помощника главкома было тихо. Адъютант выслушал Балахонова, скрылся за дверью кабинета. Вернулся он не сразу, кивнул, приглашая войти, а сам выскользнул в коридор.

Балахонов и Захарченко прошли в кабинет. Колышкин остался в приемной.

Гайченец стоял за столом, картинно положив руку на спинку кресла, недобро глядел на входивших командиров.

— Прибыли по вашему вызову, — доложил Балахонов, отдавая честь.

Не меняя позы, Гайченец помолчал, разглядывая Балахонова и Захарченко, будто видел их впервые.

— Долго вы еще будете контрреволюцию разводить? — прищурил он острые, как буравчики, глаза. — То приказы не выполняете, то демагогией занимаетесь, клевету на командование возводите... Вас что, купили?

«Какая сволочь! — похолодел Балахонов. — Шлепнуть гада, и дело с концом. А стоит ли страдать из-за такого?» Вслух сказал, стараясь говорить спокойно:

— Не понимаю... Обвинений ваших не понимаю.

— Понимаешь! Ты все понимаешь, Балахонов, — ухмыльнулся Гайченец. — Мы на-

конец-то раскусили тебя...

В приемной послышался топот ног. Дверь распахнулась, вошел адъютант. За ним показались красноармейцы с винтовками.

— А ну, сдайте оружие! — повысил голос Гайченец. — Вы арестованы.

«Вот сейчас, вот сейчас я его, пока маузер у меня», — забилась мысль в голове Балахонова, но тут же вспыхнула другая: «Глупости, глупости. Тогда конец. Тогда не докажешь».

Он медленно, будто у себя в комнате перед сном, отцепил колодку с маузером, шашку, кинжал, осторожно, как хрупкие вещи, положил их на край стола.

Снял свое оружие Захарченко. Без оружия он показался Балахонову маленьким, щуплым, по-детски беспомощным.

«Наверное, и я теперь таким выгляжу», — подумал Балахонов и неожиданно для всех коротко хохотнул.

Брови Гайченца подпрыгнули, глаза-буравчики уставились в лицо Балахонову, но тот уже спокойно глядел на окно поверх его головы. Только набрякшие желваки в уголках сжатых губ показывали, чего стоило ему это спокойствие.

Когда Балахонов и Захарченко проходили под конвоем через приемную, Колышкина там не было. Не оказалось и ординарцев на проспекте.

Время будто затормозило свой бег.

И все же оно двигалось. Почти незаметно, тягуче, но двигалось.

Дневной свет в зарешеченном окошке под потолком тюремной камеры сменялся темнотой. Вместо синего неба с пробегающими тучами там возникали далекие звезды. Потом они медленно угасали, растворялись в потоке солнечных лучей.

Так прошли сутки, другие, третьи.

Никто не вызывал Балахонова и Захарченко на допросы, никто не разговаривал с ними. Лишь изредка со скрежетом открывалась дверь камеры, входил молчаливый надзиратель с котелком воды и двумя брусками хлеба, оставлял все это на вытертых до блеска нарах, и дверь захлопывалась.

Первое время Балахонов не притрагивался к еде, не ложился. Он метался по тесной камере, бормотал что-то почерневшими, в трещинах, губами, яростно сжимал кулаки. Потом успокоился, часами не то спал, не то забывался в думах.

На пятые сутки в камере появился какой-то военный с папкой. Он назвал себя следователем, но пришел не для того, чтобы снять допросы. Скороговоркой, глотая окончания слов, он зачитал решение Чрезвычайной комиссии: за невыполнение боевых приказов, как изменников и предателей, Балахонова и Захарченко расстрелять.

— Исполнение приговора сегодня ночью, в ноль-ноль, — сказал следователь, закрывая папку.

Дверь снова проскрежетала. Звякнул засов.

— Теперь все... — присел Балахонов на нары. — Довоевались.

— Просто невероятно... —

только и сказал Захарченко.

Балахонов закутался в бурку, прилег. Со стороны могло показаться, что он задремал. Но это было не так. Словно выхваченные из памяти вспышками молнии, перед ним замелькали картины прошлого. Вот он, босоногий мальчонка, схватился в потасовке с казачатами. Вот уже парубком на станичной гулянке, а рядом с ним, рука в руке, замирающая от страха и нежности Наташа. Вот он в залитом водой окопе на австрийском фронте... Потом война в родных местах, грохот сражений, атаки, товарищи по оружию. Опять Наташа. И Коля. Как они там? Живы? Что с матерью, отцом?

В квадрате решетки замигали светлячками звезды. Камера наполнилась мраком.

Очнулся Балахонов от шума в коридоре. Шум нарастал, приближался. Приглушенно хлопнул выстрел. Совсем рядом, за дверью, послышались неясные голоса, какая-то возня. Глухо звякнул засов.

«Пришли», — пронеслось в голове.

— Если через Подкумок поведут — прыгай с моста в одну сторону, а я в другую, — успел сказать Балахонов Захарченке. — Может, кому и удастся...

Взвизгнула как от боли открытая рывком дверь. Зачиркали колесики зажигалок, брызгая искрами, вспыхнули язычки пламени. В "их неустойчивом свете люди в бурках и шинелях показались огромными.

— Есть тут кто живой? — раздался чей-то басовитый, чуть насмешливый голос.

Приподняв зажигалку, к лицу Балахонова приблизил свое лицо широкоплечий человек в шинели. Балахонов узнал командира пятигорчан, с которым встречался весной под Бекешевской, когда ловил Шкуро в боргустанском лесу.

— Янышевский?

— Он самый, — пробасил весело командир. — Выходи, товарищ Балахонов, кончилась их лавочка. — Кивнул головой на дверь, добавил: — Там встретился какой-то типчик. Следователем назвался. Не хотел пускать. Кто-то из ребят пристрелил его. «Хватит вам, — говорит, командиров наших расстреливать, разрешите и вас шлепнуть». Не успел остановить... Да аллах с ним, как говорится!

— Яков Филиппыч, товарищ Захарченко, выходите! — услышался другой голос.

Балахонов узнал его сразу.

— Григорий, ты? — шагнул он к Чучулину.

Сильные руки комиссара схватили Балахонова за плечи, сжали. Колючий подбородок прижался к его щеке.

— Фонарь, давай фонарь, крыса тюремная! — тонким, почти женским голосом закричал кто-то.

Проем двери осветился. Невысокого роста человек в бурке и кубанке выхватил из рук перепуганного надзирателя железнодорожный фонарь, поднял его над головой.

— Афоня!? — удивился и обрадовался Балахонов.

— Здравия желаю, товарищ командир! — весело пропел Чайка.

В свете фонаря Балахонов разглядел Ко-лышкина, Писаренко,

Семина, Шанова.

— Откуда вы взялись, черти? — радостно разглядывал их Балахонов.

— Это длинная история, — сказал, усмехаясь, Ко-лышкин.

— Пошли, Яков Филиппыч, — легонько подтолкнул Балахонова Чучулин. — Потом все узнаешь. Даже воздухом тюремным дышать противно...

— А мы теперь всех проверим, кого сюда упрятали и за что, — сказал Янышевский.

Семин протиснулся к Балахонову с охапкой оружия.

— Забирай свое, Яков Филиппыч. У Гайченца в кабинете разыскали. Сам-то он тютю! Укатил, сука...

Балахонов принял от Семина свою приметную шашку, кинжал, колодку с маузером, радостно улыбнулся:

— Прямо как в сказке!

Семин передал шашку и кобуру с наганом начальнику штаба.

У моста через Подкумок Балахонов распрощался с Янышевским.

— Ну, будь здоров, товарищ дорогой, — сказал он растроганно, обнимая командира. — Может, еще встретимся когда. Знай, что я твой друг до гробовой доски.

— Конечно, встретимся! — весело ответил Янышевский. — Дело у нас общее: драться за Советскую власть. Значит, и дорога одна.

•••

Город тревожно спал.

Под цокот копыт Ко-лышкин и Чучулин рассказали, как они здесь очутились.

Когда выскочивший в коридор

адъютант Гайченпа вернулся с конвоем, Колышкин понял, что над его друзьями нависла опасность. В той обстановке террора, которую создали сорокинцы, он видел сейчас единственный выход: немедленно послать в Курсавку ординарцев, чтобы сообщили там об аресте Балахонова и Захарченко.

Прыгая через одну-две ступени, Колышкин сбежал вниз, выскочил на улицу.

То, что он увидел, ужаснуло его. До взвода красноармейцев с примкнутыми к ружьям штыками уводили обезоруженных ординарцев в сторону Подкумка.

Колышкин растерялся. Что делать? Оставалось одно: ехать самому в Курсавку. И он зашагал к вокзалу.

Ему повезло. На Минеральные Воды отправлялся товарный состав. Колышкин вскочил на тормозную площадку.

Была ночь, когда он добрался до Курсавки, но в штабе светились огни. Пузырев, Чучулин, Проников, Чайка находились в кабинете Балахонова, дымили сигарками.

Весть об аресте командира и начальника штаба мигом облетела расположенные в Курсавке части. Максим Писаренко с группой всадников помчался на Суркули, в бригаду Кочубея.

Рано утром, как по тревоге, на привокзальной площади собрались бойцы, командиры. Стихийно возник митинг. Прискакавший с Кандыбиным и сотней кавалеристов Кочубей вскочил ногами на седло, произнес речь. Под крики одобрения он заявил, что поведет свою бригаду на Пятигорск и расправится со шта-

бом Сорокина.

— Хлопци, на капусту изрубим к бисовой матери Сороку и усих его сорочат, шо мутют наше вийско! — бросил он клич.

Пузыреву, Кандыбину, Чучулину стоило немалых трудов успокоить Кочубея и других.. Было решено послать в Пятигорск делегацию, которая должна потребовать от имени красноармейцев и командиров немедленного освобождения Балахонова и Захарченко.

—И знаете, нам повезло. Вернее, вам, — усмехнулся Чучулин.— Во-первых, Сорокину и его шайке стало не до вас. После злодеяния над Рубиным, Крайним и другими нашими, товарищами у него под ногами загорелась земля. Сейчас в Невинке собирается Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа. Сорокин почувствовал, что придется держать ответ, и срочно выехал туда со своим штабом и дружками. Во-вторых, мы застали здесь товарища Полуяна. Он только что прибыл из Москвы и собирался выехать в Невинку, на съезд. Когда мы рассказали ему, в чем дело., он сразу же созвал членов Реввоенсовета, которые здесь оказались, и решение было отменено. А тут командир Пятигорского коммунистического полка Янышевский со своими ребятами подвернулся, помог разыскать ординарцев и вас высвободить. Иначе могли бы и не успеть: команда для расстрела была уже подготовлена.

—А где Пузырев? — поинтересовался Балахонов.

—Когда мы выезжали сюда, он выехал в Невинку, на съезд. Нам

тоже надо поспешить, может, успеем.

Они не успели. В связи с наступлением белых под Армавиром съезд свернул свою работу.

Как стало известно позже, большевистская фракция съезда еще до его открытия вынесла решение объявить Сорокина вне закона. Это решение, а также приказ ЦИК Северо-Кавказской республики, в котором говорилось о назначении Федько на пост главкома, были переданы войскам и Советам по телеграфу. Сорокин узнал о телеграммах к Курсавке. Оставив свой поезд, он с личным конвоем и штабом ушел кружным путем в Ставрополь.

Пока Сорокин добирался до Ставрополя., Таманская армия при поддержке седьмой и десятой колонн выбила оттуда деникинцев.

Через два дня Сорокин и его спутники были схвачены таманцами.